

Чехов и либералы в 1888 году

Два неизданных письма
П. Щеголев

Процесс формирования политического и общественного сознания переживался А. П. Чеховым мучительно и долго. Сын лавочника, внук крепостного, Чехов был типичным разночинцем. Но его «разночинство» было несколько иного оттенка, чем у «разночинных» писателей предыдущих поколений. Ни в молодости, ни в юности Чехов не соприкоснулся с веяниями радикальных ученых 60-х годов. Он прошел мимо и тех социалистических влияний, под знаком которых жила семидесятница. Первые литературные дебюты Чехова протекали в среде мелкой журналистики, в достаточной мере беззаботной к общественным и политическим вопросам. Близость с Н. А. Лейкиным, а затем с А. С. Сувориным также была фактором, задерживающим рост социального сознания Чехова. Но, вместе с тем, Чехова волновали вопросы этики. «Выдавливала из себя по каплям раба», он расширял не только свой умственный кругозор. В поле его зрения стали попадать явления, на которые он до сих пор не обращал внимания. Поездка на Сахалин была важным толчком для Чехова в его подходе к общественным и по-

литическим вопросам. Земская деятельность в Мелихове — в качестве санитарного врача и попечителя сельских школ — поставила его лицом к лицу с русской деревней. Еще так недавно, боясь быть причисленным к либералам («не либерал, не консерватор... хотел бы остаться свободным художником и только»), Чехов охотно начинает сотрудничать в «Русской Мысли» — органе совершенно определенной либеральной окраски. Старая неприязнь к редакции этого журнала переходит в дружбу с его руководителями. Последнее десятилетие жизни Чехова отмечено еще более решительным поворотом в сторону не только либеральных, но и радикальных течений русской общественности. Чехов сотрудничает в журнале «Для Всех» и журнале левянского марксизма «Жизнь». С «Новым Временем» давно уже все порвано. Публикуемые ниже письма выразительны только для одного — раннего — фаза интеллектуального развития Чехова. Только с такой оговоркой можно принимать его сердитые выпады, направленные по адресу «русских либералов».

НЕ так давно у одного из ленинградских букинистов мне посчастливилось приобрести несколько писем А. П. Чехова к Алексею Николаевичу Маслоу. Маслоу был военный человек, в то время в чине капитана, и служил по военно-юридическому ведомству. Но, кроме того, он занимался литературой и деятельно работал у Суворина в «Новом Времени», писал всяческие фельетоны, военные очерки, рассказы, повести и комедии, которые шли с успехом в Суворинском же Малом театре. Вообще он был типичный нововременец и, когда Суворин, по случаю юбилея газеты, устроил акционерное товарищество по изданию газеты, он в вознаграждение за долготельную преданность и работу в «Новом Времени» А. Н. Маслоу дал ему пять акций товарищества по 1.000 руб. каждая. Литературный псевдоним А. Н. Маслоу — Бежецкий. Знакомство Чехова с Бежецким идет от тех времен, когда Чехонте поконился в лоне «Нового Времени», вел тесную дружбу с издателем А. С. Сувориным, оказавшим мощную поддержку его первым литературным шагам, и усиленно печатался в «Новом Времени», как в газете, так и в издательстве. От этого времени пошла его связь с видными сотрудниками Суворина, в том числе и с Бежецким. Как писателя, Чехов ценил его высоко, даже не в меру заслуг. «Из писателей последнего времени», — писал Чехов однажды Суворину, — для меня имеют цену только Гаршин, Короленко, Щеголов и Маслоу. Все это очень хорошие и не узкие люди... Умер Бежецкий-Маслов в первые годы революции.

Мы печатаем два письма Чехова, не датированные годом, но несомненно относящиеся к 1888 году. Чехов входил в большую литературу. Сборник его рассказов «В сумерках» только что разошелся в необычно короткий срок; повесть его «Степь», напечатанная в 1888 году в толстом журнале («Северный Вестник»), вызвала возмущенные разговоры. Будущий литературный путь рисовался уже не в тумане, а определялся четко и ясно. Авторитетная и влиятельная критика в лице Н. К. Михайловского призывала писателя к углублению тем и расширению социального завата произведений. Недалеко было время, когда Чехов должен был почувствовать тягость нововременской атмосферы. Постоянное жительство Чехова было в Москве, здесь в это время был центр русского либерализма, русского конституционно-демократического течения. Проводником идей русского либерализма был влиятельнейший толстый журнал «Русская Мысль», издаваемый В. Л. Лавровым и руководимый В. А. Гольцевым. Под влияние «русской Мысли» подпал и Чехов, но вскоре «Русская Мысль» овладела Чеховым. Русским конституционалистам следовало было оторвать Чехова от легкомысленного литературно-общественного приюта, каким являлось «Новое Время». Все

это надо учесть при чтении публикуемых нами писем Чехова к Бежецкому в ответ на обращенную последним просьбу свести его с «Русской Мыслью» и помочь пристроить его беллетристику. Петербургские литераторы — приятели Чехова — знали о его знакомстве с руководителями «Русской Мысли» и нередко обращались к нему с просьбами о посредничестве. Чехов добросовестно выполнял поручение Маслоу-Бежецкого и дал ему точный отчет о выполнении:

«29 марта.

Простите, добрейший Алексей Николаевич, что я не торопился исполнить Ваше поручение. В «Русской Мысли» я был только вчера.

За отсутствием редактора-издателя Лаврова аудиенцию давал мне великий визирь «Русской Мысли» Гольцев — человек милый и хороший, но понимающий в литературе столько же, сколько пес в редьке. В беседе он держал себя с достоинством, как и подобает это вице-директору самого толстого и самого умного журнала во всей Европе. Вот Вам результаты нашей беседы:

- 1) Сотрудничеству Вашему рады.
- 2) Желательно иметь от Вас небольшую повесть в 2—3 печатных листа.
- 3) Большие повести нежелательны, так как современные беллетристы (камень в мой огород) не умеют писать больших вещей, если же они и берутся писать, то выходит одна только срамота на всю губернию. Вообще говоря, у наших молодых писателей нет «глубины мысли», а длинные повести и романы писать не следует, так как современная жизнь не дает для этого «мотивов».

- 4) Наша литература переживает теперь переходное время.

- 5) Если Ваша повесть будет длинна и хороша (что при отсутствии «мотивов» едва ли возможно), если в ней будет глубина мысли, то ей будет оказано самое теплое гостеприимство.

- 6) Аванс дадут с удовольствием.

«Мы дадим часть гонорара», сказал Гольцев. Как велика будет эта часть, я не знаю, но если Вы поручите мне, то я постараюсь вымаклячить для Вас возможно больше. Прожлажу я в Москве до 5 мая. Если до этого времени повесть будет написана и прочтена редакцией, то я с удовольствием поручусь и вышлю Вам деньги. 1 апреля я спать буду видаться с Гольцевым и на сей раз поговорю с ним о количестве гонорара. Мы будем вместе ужинать, а за ужина журнальные масоны бываю не так туси и снисходительно-важны, как в редакциях.

Если у Вас есть намерение написать комедию, то не бросайте его.

Будьте здоровы. Поклонитесь Суворину, В. П. Буренину и Петерсену.

Ваш

А. Чехов.

Бежецкий, очевидно, не удовлетворялся ответом Чехова и попросил объяснений. Чехов удовлетворил его интерес в письме от 7 апреля:

«7 апреля.

Добрейший Алексей Николаевич!

Пока я еще не уехал, отвечаю на Ваше письмо. Да, я деликатный человек, т. е. очень часто не решаюсь говорить и писать правду, но, уверяю Вас, я не скрыл ничего

Малозвестная юношеская фотографическая карточка А. П. Чехова (из собрания Пушкинского дома Академии Наук СССР).

из разговора с Гольцевым. В «Русской Мысли» в самом деле рады будут Вашему сотрудничеству. Нет причин, почему бы им не радоваться.

Письма от Гольцева Вы не получите. Почему? Если хотите, то я не скрою от Вас: все эти Гольцевы хорошие, добрые люди, но крайне нелюбимые. Невоспитаны ли они, или недогадливы, или же грошовой успех запоросил им глаза — чорт их знает, но только письма от них не ждите. Не ждите от них ни участия, ни простого внимания... Только одно они, пожалуй, охотно дали бы Вам и всем россиянам — это конституцию, все же, что ниже этого, они считают несоответствующим своему высокому призванию. Просить же их о письме к Вам я не был уполномочен; если бы я предложил написать Вам это письмо, то предложение они приняли бы за просьбу и стали бы ломаться. Ну их к лешему! Не скрою от Вас, что, как к людям, я к ним равнодушен, даже пожалуй еще симпатизирую, так как они, вопиющую не-

уличники, несчастные и не мало страдали в своей жизни... Но как редакторов и литераторов, я едва выпущу их. Я ни разу еще не печатался у них и не испытал на себе их унылой цензуры, но чувствует мое сердце, что они что-то губят, душат, что они по уши залезли в свою и чужую ложь. Мне кажется, что эти литературные таксы (мне кажется, что таксы, длиннотелые, крокодилоносые, с острыми мордами, представляющие собой помесь дворняжек с крокодилами: московские редакторы—это помесь чиновников профессоров с бездарными литераторами)—и так мне кажется, что эти таксы, вдохновленные своим успехом и ласкающими похвалами своих блюдолизозов, создадут около себя целую школу или орден, который сумеет извратить до неузнаваемости те литературные вкусы и взгляды, которыми издревле, как калачами, славилась Москва. Прочтите Вы Маятета, питомца этой школы, пользующегося теперь в Москве громадным успехом, прочтите фельетоны «Русских Ведомостей», и Вы оцените мое беспокойство.

Меня давно уже зовут в «Русскую Мысль», но я пойду туда только в случае крайней нужды. Не могу!!! Весьма возможно, что я ошибаюсь, а потому не примите это письмо за совет не работать в Р. М., хотя, признаюсь, мне приятнее было бы видеть Вас в любом петербургском журнале, чем в Р. М.

У вас в кармане только три рубля, а у меня целых триста! Это все, что уцелело у меня после «Стени» и «Сумерек». Но так как эти деньги спрятаны сестрой для переезда на дачу, то я теперь сижу на бобах и питаюсь одной только славой.

Что касается Вашего страха перед сюжетом, то вылечить его трудно. Принимайте *Kaffee bromatum*. Я тоже не доверяю своим сюжетам. Мне почему-то кажется, что для того, чтобы верить в свои сюжеты и мысли, нужно быть немцем, или, как Баранцевич, быть женатым и иметь 6 человек детей.

Я советовал Вам писать комедию и еще раз советую. Она вреда Вам не принесет, а доход даст. Мой «Иванов», можете себе представить, даже в Ставрополе шел. Что же касается исполнения, то бояться Вам нечего. Во-первых, у Вас прекрасный разговорный язык, во-вторых, незнание сцены вполне окупится литературными достоинствами пьесы. Только не скупись на женщин и не давайте воли Вашей селезенке.

Какое, однако, я Вам длинное письмо вымахал! Ужасно хочется бездельничать и раз случаю, чтобы написать кому-нибудь письмо или пошлаться по улице.

Вчера получил приглашение от «Гражданина».

Поклонитесь Суворину, Виктору Петровичу и Петерсену. Будьте здоровы.

Имею честь быть с почтением, извините за выражение, начинающий писатель

А. Чехов

Этот нестерпимо резкий отзыв о «Русской Мысли» и ее вождях—не единственный в письмах Чехова, но по категоричности и резкости он оставляет позади все остальные высказывания писателя.

Там, чуть не в тот же самый день (4 апреля) Чехов писал И. Л. Щеглову о Гольцеве: «Г. говорил мне, что ваш рассказ он передал Соболевскому и «умывает руки». Вообще все эти Г. хорошие люди, но где касается литературы и литературных поразов, то там следовало бы мыть им не руки, а хари. Бездарны, сухи и туги, как ослепленные вороны кости». Издательница писем Чехова, его сестра Мария Павловна, от фамилии Гольцева оставила только перчатку баяну. В том же 1888 году в октябре Чехов писал Суворину: «Что же касается Р. М., то там сидят не литераторы, а конченные сны, которые столько же понимают в

Чехов у Л. Толстого в Гаспре (1881 г.)

литературе, как свинья в апельсинах. К тому же библиограф. отдел ведет там дама Если дикая утка, которая летит в небесах, может презирать свойскую, которая копается в навозе и лужах и думает, что это хорошо, то так должны презирать художники и поэты мудрость конченных сингов. Сердит я на Р. М. и на всю московскую литературу! Глубоко отрицательную оценку «Русской Мысли» находим в письме к А. Н. Плещеву—опять того же 1888 года (27 августа): «Погодите, Р. М. будет выкидывать еще и не такие фортели. Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободомыслия у нас на Руси будут парить такие жабы и крокодилы, каких не знавала даже Испания во время инквизиции. Вот вы увидите! Узость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести сделают свое дело. Все эти... напустят такой духоты, что всякому свежему человеку литература опротивеет, как чорт знает что, а всякому шарлатану и волку

в овечьей шкуре будет где лгать, лицемерить и умирать «с честью».

Таково было мнение Чехова о русских либералах в 1888 году. Нельзя отказать взглядам Чехова ни в категоричности, ни в прочности и нельзя, конечно, объяснить их только раздражением за критические против него выпады. Но прошло три года, и в 1892 году случилось то, чего так не хотел Чехов: его произведения появились на страницах «Русской Мысли». Отношения его к руководителям журнала—Гольцеву и Лаврову—из безразличных или холодных становятся близкими, а с течением времени переходят в интимные. В 1903 году (26 января) Чехов уже мог написать Гольцеву: «Милый и дорогой Виктор Александрович, здравствуй! В феврале празднуют обед твой юбилей—так я читал в «Одесских Новостях». Если это правда, то, сидя за обедом, вспомни, голубчик, что я емь твой искренний, преданный друг и таковым останусь до конца дней моих, и что я тебя люблю и давно уважаю».

Редакционный день «Будильника» (в 80-х годах). В этом журнале Чехов сотрудничал в начале своей литературной деятельности. Второй слева — Чехов